

Дмитрий ТАРАСОВ

Родился в марте 1965 года в Ленинграде. Работал инженером, экскурсоводом, журналистом, сейчас работает редактором в телекомпании «Петербургское телевидение».

Публиковался в журналах «Нева», «Звезда», «Новая Юность», «Москва», «Сибирские огни», «Север», «Дон», «Крещатик», «Зинзивер», «Северная Аврора» и других. Рассказы переводились на сербский язык. Автор трех книг прозы: романы «Пятый Собор» и «Сергей Павлович Королев, который работает консьержем», сборник рассказов «Считая до ста».

Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

САМОЛЕТИК ХАРМСА

– Музея там точно нет.

– Значит, обычная квартира, обычные люди, которые, скорее всего, даже не подозревают, кто здесь жил раньше.

– Тогда можно зайти, представившись хоть водопроводчиками, хоть электромонтерами, хоть еще кем-нибудь. Правда, могут не впустить, такие уж сейчас люди недоверчивые.

– А если сказать, какой жилец был их предшественником? Обрадуются, покажут все комнаты...

– Или, наоборот, пошлют к чертовой матери, мол, у них своя жизнь, а что было прежде, их не касается. Да еще с лестницы спустят.

– Получается, за кого себя ни выдавай, а уйдешь не солоно хлебавши.

– Но почему мы исходим из того, что они ничего не знают? Вполне возможно, и до нас были приходившие с точно такой же целью.

– Ну, вот представь: «Здравствуйте. Здесь у вас жил...» – «Да знаем, знаем, не глупее вас». – «Мы бы хотели...» – «Посмотреть, да?» – «Да!» – «Ох, как надоели эти любители литературы! Житья от вас нет. Коль, тут опять эти!.. Разберись-ка!»

– Знаешь, если на все так мрачно смотреть, то и идти не стоит. Жизнь, она гораздо богаче на любые неожиданности, чем нам кажется. И потом: пусть даже шансов мало, нужно все равно попробовать.

Молодые люди, Сорокин и Воробьев, шли по Невскому, увлеченные только им понятной беседой. Их объединяли не только птичьи фамилии, но и возраст – обоим было лет по двадцать, – и общая страсть, которую можно было выразить тремя словами – Даниил Иванович Хармс. Забытый на долгое время писатель неожиданно сделался объектом всеобщего внимания, так что литературоведы с жаром бросились

обсуждать проблематику его творчества, а для молодежи он стал настоящим кумиром. Абсурдистика Хармса – как она совпадала с мироощущением юности, как будоражила и веселила молодые умы!

Познакомились Сорокин с Воробьевым в интернете, то и дело отмечая комментарии друг друга на различных сайтах, посвященных творчеству писателя. Понимая, что такое совпадение не может быть случайным, они списались через электронную почту и вскоре встретились в кафе, что на площади Восстания. Время, проведенное там, было всецело отдано стихам и прозе Даниила Ивановича. Тогда же они и решили, что необходимо совершить нечто практическое и в то же время оригинальное, в духе самого Хармса. Предложение Сорокина посетить бывшую квартиру писателя вызвало бурное одобрение товарища, который, не скрывая эмоций, вскочил и крикнул: «Ничего лучше нельзя придумать!»

Воплощение задуманного несколько затянулось: то болел Воробьев, то помешал день рождения Сорокина, то его вынужденная поездка к родственнице. Наконец, когда все препятствия были преодолены, оба юных «хармсоведа» несколько оробели.

– Что-то как-то не очень, – сказал Воробьев.

Сорокин поддакнул:

– У меня то же самое.

С неделю прошло, прежде чем, в продолжение переписки в социальных сетях, интерес вновь взял верх над боязнью. «Нельзя отказываться от намеченного», – написал более решительный Сорокин, на что Воробьев разразился неожиданной тирадой: «Мужик сказал – мужик сделал. Пусть банально, зато верно. Считаю, надо завтра же идти на Маяковскую».

– Улица Маяковского, – прочитал Воробьев табличку на угловом доме.

– Надеждинская, – поправил Сорокин, – так улица называлась во времена Хармса.

– Нам нужен дом номер одиннадцать. Тут совсем рядом, перед Ковенским переулком. А какая там квартира, помнишь?

– Это что, проверка? – слегка обиделся Сорокин и искося глянул на товарища. Тот поспешил оправдаться:

– Я не сомневаюсь в твоих знаниях... Просто само собою выскочило, извини...

Теперь они шли вдоль тротуара неширокой улицы, чья тишина и почти полное отсутствие машин и прохожих объяснялись просто: выходной день, к тому же теплый и солнечный, каких в Петербурге по пальцам одной руки пересчитать можно, – вот и отправились кто на дачу, кто на пикник за город. Улица чуть выгибалась влево, чтобы сразу после поворота открыть за чугунной оградой здание с объемным ризалитом и памятником перед входом.

– Действительный член Академии медицинских наук СССР профессор Андрей Львович Поленов, – подойдя к ограде, прочел Воробьев.

– Он что, имеет отношение к Хармсу? – быстро спросил Сорокин.

– Нет...

– Тогда что мы здесь делаем? Вперед!

Перейдя широкую и пыльную улицу Жуковского, в дальнем конце которой проглядывало уродливым прямоугольником здание концертного зала «Октябрьский», они прошли чуть дальше и остановились. На противоположной стороне улицы стоял четырехэтажный дом, без

всяких украшений и архитектурных изысков. Вид этого ничем непримечательного строения, тем не менее заставил Сорокина с Воробьевым застыть на месте: первый часто-часто заморгал глазами, тогда как второй, слегка подавшись вперед, приоткрыл рот. И хотя они прежде не раз видели фотографии дома в интернете и, казалось бы, досконально изучили его со всех сторон, – живое впечатление нельзя было сравнить ни с каким виртуальным изображением, пусть даже в трехмерном пространстве.

Из оцепенения их вывел мотоцикл, промчавшийся по улице с утробным ревом. Они осуждающе посмотрели ему вслед (как можно нарушать тишину этих заповедных мест?), затем пересекли проезжую часть и узкую полоску зеленой травы с редко стоящими деревьями. Не удержавшись, Воробьев потрогал ладонью покрашенную в желтый цвет стену дома.

– Ну как?

– Нагрелась на солнце, теплая, – от умиления Воробьев чуть прищурил глаза.

– Пойдем, нам нужно дальше.

Домофон, расположенный слева от входной двери и сразу под синей табличкой с перечнем квартир, не стал для них неожиданностью – именно так проход из внешнего мира в мир Хармса на фотоснимках и выглядел. Чтобы избежать ненужных объяснений, они заранее решили не звонить, а дожидаться входящего или выходящего и таким образом проникнуть внутрь.

Ждать пришлось довольно долго. Из дома никто не выходил, поэтому они с надеждой всматривались во всякого, кто приближался к парадной. Шли справа и слева, но всегда мимо, пока, наконец, пожилой мужчина не остановился напротив двери и не полез за предполагаемым ключом в карман брюк. Молодые люди замерли в готовности юркнуть в дверь вслед за мужчиной. Тот, однако, покопавшись в кармане, извлек оттуда пачку сигарет и зажигалку, после чего продолжил свой путь, сопровождаемый шлейфом табачного дыма.

Впустила их женщина с острыми глазками на слегка полноватом лице. Уже открыв дверь, она обернулась и смерила их взглядом:

– Проходите, чего стоять на солнцепеке. Только договоримся: никаких надписей на стенах не делать, без того хватает.

Они согласно закивали, между тем как она стала подниматься по ступенькам и, уже невидимая, раскатилась по лестнице криком:

– Его еще нет. Пока ждите внизу.

Кого «его», они не поняли, впрочем, и задумываться не стали. Гораздо интереснее были надписи, сделанные фломастерами, авторучками, мелом, краской из баллончиков, но чаще всего нацарапанные чем-то острым. Способ нанесения на стену, по всей вероятности, определялся случаем – что под рукой оказалось – и темпераментом писавшего, ведь одно дело – носить с собой краску, и совсем другое – складной нож. «Настенное творчество» не отличалось особым разнообразием: стихи Хармса чередовались со словами восхищения его талантом, а также с автографами в стиле: «Здесь был Вася», – что непременно сопровождалось указанием даты его пребывания.

Сорокин и Воробьев тотчас принялись за чтение. В парадной то и дело раздавались восторженные возгласы или смех, а временами один «хармсовед» подзывал другого: «Смотри, как тут прикольно!» Их настолько увлекло происходящее, что даже позабылось, зачем они пришли.

Они смолкали лишь тогда, когда в парадной кто-нибудь появлялся. К их удивлению, замечаний им не делали: ни старушки с пустыми мусорными ведрами (им, сгорбленным и почти неотличимым друг от друга, были присвоены номера – 1, 2, 3), ни высокого роста человек лет тридцати пяти, ни старичок в круглых металлических очках, ни маленькая девочка (хотя ей, разумеется, не по возрасту было вступать в пререкания со старшими).

Заметив, уже на втором лестничном марше, знаменитые, можно сказать, пророческие строчки Хармса, Воробьев начал читать вслух:

Из дома вышел человек
С дубинкой и мешком
И в дальний путь,
И в дальний путь
Отправился пешком.

В этот момент где-то наверху отворилась дверь, и чей-то голос весьма вежливо позвал:

– Что же вы там стоите? Прошу вас в квартиру.

Сразу присмиревшие, они начали подниматься по лестнице, стараясь идти рядом и ненароком ступая на каждую ступеньку с одной ноги. Возможно, оттого, что в их движении было что-то механическое, поджидавший на третьем этаже человек изобразил на своем лице подобие улыбки – легкий прищур, морщинки вокруг глаз и сомкнутые губы. Одной рукой он придерживал дверь, чтобы та оставалась открытой, а другой – делал пригласительный жест в направлении квартиры.

– Та самая, – прошептал, входя, Сорокин.

– Что? – переспросил Воробьев.

– Хармса квартира, – Сорокину пришлось повысить голос, и мужчина услышал, спокойным тоном подтвердив: «Да, вы совершенно правы», – и продолжил:

– Раздевайтесь, пожалуйста. Здесь вешалка, – он показал рукой, – здесь тапки. Впрочем, обувь можно не снимать.

Как-то незаметно он оказался напротив них и теперь стоял в ярко освещенной прихожей, надевая перед зеркалом нечто похожее на кепку жокея. Но если б только жокейской кепкой ограничивалась необычность его внешности! На нем все было выдержано в бежево-коричневых тонах: клетчатый пиджак, рубашка с галстуком, брюки гольф, длинные клетчатые носки и туфли на толстой подошве. Во рту он держал небольшую трубку, однако дым из нее не шел.

– Не успел прикурить, – будто оправдываясь, сказал он и повернулся от зеркала к гостям. – Сейчас я это исправлю, но вам придется немного подождать. Когда я стукну в дверь, – он взял прислоненную к стене тросточку и показал, как именно стукнет, – тогда вы сразу входите.

Он исчез за дверью комнаты, которая была первой, если смотреть от входа. В глубину квартиры уходил узкий и длинный коридор, по правой стороне которого виднелось еще несколько дверей. Недалеко от вешалки стоял невысокий столик с допотопным черного цвета телефоном, а правее, в прямоугольной нише, располагался книжный стеллаж под потолок.

– Жокей, – шепотом высказался Воробьев, а Сорокин, сразу сообразив, о ком речь, тихонько хохотнул:

– Диск-жокей, – после чего, оглядевшись по сторонам, неопределенно произнес: «Пожалуй...» – что могло в равной мере означать как желание остаться, так и немедленно уйти, пока им никто не мешает. Его товарищ, расценив сказанное именно как призыв к бегству, уже направился к выходу, когда в дальнем конце коридора вдруг отворилась дверь и оттуда вышла давешняя женщина с острыми глазками. В руках у нее были совок и метелка.

– Он всегда заставляет себя ждать, – сказала она. – Уж очень любит, чтобы каждая мелочь была там, где положено.

С самым безразличным видом она начала подметать пол в коридоре, и «хармсоведам» не оставалось ничего иного, как ждать обещанного сигнала. Они стояли молча, не двигаясь с места, в то время как их мысли бешено пульсировали: Хармс всегда именно так одевался... да и похож... но как такое может быть?.. он умер в феврале 1942 года... общеизвестный факт... кто же тогда этот человек?.. что вообще происходит?..

Когда в дверь изнутри стукнули, мысли словно бы рухнули вниз, к ногам, и легли там крест-накрест, мертвые. Была небольшая заминка – кому проходить первым, – прежде чем, зайдя бочком вместе, они очутились в комнате.

Вытянутая вдоль стены, которая двумя окнами выходила на улицу, комната, безусловно, была заполнена какой-то мебелью, но чем именно Сорокин с Воробьевым даже не заметили, поскольку все их внимание было сосредоточено на загадочном человеке в жокейской кепке. Он сидел на полу посреди комнаты, попыхивая трубочкой и находясь в центре круга, начерченного мелом, каковой, мел, тут же и лежал.

– Вы зачем... – выдавил из себя Воробьев.

Ответа не последовало, а только все-таки расслышали они, что в паузах между затяжками «диск-жокей» что-то бормочет. Чтобы было лучше слышно, Сорокин сделал несколько шагов, но едва приблизился к меловому кругу, как раздался отчетливый и по-прежнему вежливый голос:

– Это очень сильное тибетское заклинание. Более, при всем уважении к вам, сказать не могу.

Некоторое время помолчав, он продолжил:

– И, пожалуйста, не входите в круг, иначе... Внутри круга сильнейшее энергетическое поле, воздействие которого, признаюсь, изучено крайне поверхностно. Займитесь пока, чем считаете нужным, а я вскоре закончу.

Только теперь у «хармсоведов» появилась возможность осмотреться. Присев возле стены диван, Воробьев присел и сразу, под скрип пружин, провалился чуть ли не до пола. Из-под дивана выскочила в страхе маленькая собачонка и бросилась в приоткрытую дверь, в то время как Воробьев с трудом выбрался из продавленного ложа и пересел на стул. Пока он сидел – очень ровно, не шевелясь, в ожидании, по-видимому, других неожиданностей, – Сорокин расхаживал около стоявшей в углу фисгармонии. Он то приближался к музыкальному инструменту, то уходил в сторону, – и наконец, решившись, надавил пальцем на клавишу, отчего возник звук, сухой и скрипучий.

В ту же секунду «диск-жокей» уже был рядом и, сев на приставленный к фисгармонии стул, объяснил по порядку:

– Собаку зовут «Выйди на минуточку в соседнюю комнату, я тебе что-то скажу». Что касается фисгармонии, то у нее имеются педали

для того, чтобы накачивать воздух, с помощью которого можно извлекать звуки.

И звуки полились – чисто, красиво, будто наполняя комнату свежестью, – так что даже Сорокин и Воробьев, которые, кроме рэпа, ничем музыкальным не интересовались, слушали самым внимательным образом.

– Фугетта Генделя, – закончив играть, сказал он. – Коронный номер в моем репертуаре. В продолжение месяца разучивал фугетту по два раза в день, зато теперь играю ее свободно.

– А вы... – начал Сорокин медленно, и вдруг решил: – Вы Хармс?

Прежде чем ответить, хозяин комнаты быстро поднес оба указательных пальца, сложенных домиком, к носу и издал такой звук, будто откашливался, при этом слегка наклонился и притопнул правой ногой, тоже быстро-быстро.

– Вы сейчас размышляете: Хармс или не Хармс, Хармс или... Уверен, мысленно вы ставите фамилию Хармс в кавычки. Что ж, продолжайте так и делать, а я тем временем расскажу вам о круге, меловом круге, вызвавшем у вас, насколько успел заметить, известное любопытство, не удовлетворить которое было бы крайне бестактно с моей стороны.

Однако вместо обещанного рассказа они услышали другой – о человеке, который мог творить чудеса, но за всю жизнь так ни одного и не сотворил; просто ему было достаточно знать, что он умеет чудодействовать.

Сорокин поинтересовался:

– А при чем здесь круг?

– Будучи внутри него, я тоже становлюсь чудотворцем, но эта способность, к сожалению, пропадает вне круга.

– Тогда зачем же...

– Все достигается упражнениями, даже чудеса. И если повторять то, что вы видели, регулярно, тогда можно будет вырваться из него, – он кивнул в направлении круга. – Или же есть иной способ – расширить круг до возможных пределов, – правда, я пока не пробовал действовать таким образом... Кстати, – нагнувшись, он быстро сунул мел в карман пиджака и затем, подойдя к двери, позвал в коридор: – Ксения Петровна, раз у вас уборка, не могли бы вы и у меня порядок навести.

Пока женщина с острыми глазками мыла пол, стирая последние следы от мелового круга, в комнате установилась тишина. «Хармсоведы» сначала осмотрели печку, вернее, ее половину, так как другая половина была за стеной соседней комнаты, после чего нашли на диване более-менее упругое место и уселись парочкой. Стоя к ним вполборота, «диск-жокей» дымил в открытое окно. Как только Ксения Петровна вышла, он резко повернулся и, опережая возможные вопросы, выпалил:

– Что вы делали позавчера вечером?

Лицо его было серьезно, и он испытующе смотрел на молодых людей. Они же переглядывались, дескать, кому говорить, да и стоит ли вообще, да и о чем собственно... Тут-то им снова была явлена «улыбка», которую они в первый раз видели на лестнице, и от этих вытянувшихся в ниточку губ и бровей, что сомкнулись на переносице, – стало как-то не по себе.

Когда он направился к книжному шкафу, у Сорокина с Воробьевым не было сомнений, что сейчас начнет читать что-нибудь свое – стихи или же «случай». Нет, взял стоящую на верхней полке банку с краской

и перенес к печке; ловким движением достал из внутреннего кармана клетчатого пиджака две малярных кисточки и несколько раз провел ими по воздуху – вверх-вниз, вверх-вниз, – точно красил печь. В завершение своей пантомимы раскланялся и, словно покидая сцену, пятясь назад с приложенными к груди руками, вышел в дверь. Однако тотчас вернулся.

– Нас ждет интересное занятие, – объявил он и сделал жест в направлении стола, где лежали листы бумаги, газеты и карандаши с ручками. – Вернее, даже два занятия. Впрочем, по порядку, – закончил он и стал делать бумажный самолетик.

– А, знаю, читал, – радостно откликнулся Сорокин, – читал, будто бы Хармс развлекал себя тем, что пускал из окна самолетики. Запустит и смотрит, куда он упадет.

Видя, что его слова не произвели никакого впечатления и «диск-жокей» с видом человека, занятого очень важным делом, продолжает изготавливать остроносое и крылатое из листов бумаги, Сорокин решил удивить его своими познаниями:

– Он еще делал надписи на самолетиках, а потом наблюдал за реакцией людей, которые их читали.

– И что же он писал? – спросил, не отрываясь от работы, хозяин комнаты.

– Да всякую ерунду, главное, чтоб смешно было. Вот, помню... «Хорошенькие женщины в садах не гуляют», – или такое: «Попробуй сохранить равнодушие, когда кончатся деньги».

– Сразу видно, вы человек образованный, с широким кругом интересов, – к удовольствию Сорокина, произнес «диск-жокей» и пододвинул к нему с дюжину своих поделок: – Стало быть, вам и пускать.

В распахнутое окно была видна улица с пещерами подворотен, с выкрашенными в скучные тона фасадами домов, лишь один из которых украшали статуи кариатид, и редкими, вялыми от жары прохожими. Глядя вниз, Сорокин почему-то медлил, вертел в руках самолетик – и вдруг начал разворачивать его, а затем негромко, с удивлением читать:

– «Ленинградская правда», понедельник, 8 июня 1931 года... На Первой электростанции закончен ремонт генератора. Начинается ремонт мощной турбины на Пятой ГЭС...

– Да, это старая газета. Чему ж тут поражаться? Лучше займитесь делом, – «диск-жокей» опять поднес пальцы к носу и как будто откашлялся.

– Конечно, – сконфузился Сорокин и отправил крылатый листок кружиться в воздухе.

Он смотрел за полетом с настороженным любопытством, а из соседнего окна наблюдали «диск-жокей» с Воробьевым. Покружив, самолетик перелетел улицу и приземлился на газон неподалеку от молодого тополя. Прошло несколько минут, прежде чем появился первый прохожий, ничем не примечательный человек в футболке и шортах, который даже не заметил обращенного к нему послания. И второй, и третий, и четвертый повели себя точно также.

– Чего вы ждете? – услышал Сорокин голос «диск-жокея». – Бросайте следующие.

Но, как бы старательно Сорокин ни бросал, выбирая разные направления и разные точки, куда могло бы спланировать послание, – ничего не происходило. Лишь однажды девочка лет десяти подняла с тротуара самолетик и, очень воспитанная, выбросила его в ближайшую урну.

– Терпеть не могу детей, – сказал «диск-жокей» и, словно заранее предвидя неудачу, отошел от окна. Оседлав стул задом наперед, он курил трубку и временами безразличным тоном интересовался:

– Как обстановка?

– Без изменений, – отвечал Сорокин, а Воробьев ему вторил: – Все мимо.

Когда запас бумажных поделок иссяк, «хармсоведы» снова уселись на диван; в ожидании какого-нибудь веселого продолжения они поглядывали на «диск-жокея». Тот, однако, будто их не замечал: непроницаемое лицо, взгляд исподлобья, одновременно пустой и исполненный таинственного смысла, и тонко очерченные, подвижные крылья носа, которыми, казалось, он проверял концентрацию дыма в помещении.

– Один в один как на фотках, – шепнул Воробьев на ухо Сорокину.

Он не изменил своей позы и тогда, когда «хармсоведам» наскучило сидеть без дела и они стали изучать комнату. Задрав голову к потолку, Сорокин разглядывал лампу с широким картонным абажуром, где были изображены карикатуры на каких-то мужчин и женщин и еще дом со страшной надписью: «Здесь убивают детей». Воробьева больше заинтересовал приколотый к стене листок клетчатой бумаги с надписью «Список людей, особенно уважаемых в этом доме». Он вполголоса читал:

– Бах, Гоголь, Глинка, Кнут Гамсун...

– Своей фамилии там не найдешь, – съязвил Сорокин и далее обратился к «диск-жокею»: – Вы обещали еще одно интересное занятие.

– Его не будет, – колечко дыма поплыло вверх и, внезапно устремившись к окну, разорвалось где-то посередине. – Не будет, ибо предыдущее с ясностью показало, что эксперимент снова не удался... Я устал, я разочарован в себе и сегодня убедился окончательно – творить чудеса мне не под силу.

Он снял жокейскую кепку, обнаружив гладко зачесанные назад русые волосы, которые опускались хвостиками на воротник, и, помахав кепкой как веером, вернул ее на место.

– Схожу в магазин, а то табак закончился, – произнес он, стряхнул невидимые крошки с колен, взял тросточку и вышел из комнаты.

Случившееся произошло столь неожиданно, что «хармсоведы» на время впали в столбняк. Эти странные слова, признания, этот внезапный уход... Что теперь делать? Его нет и непонятно, вернется ли, а они здесь, в чужой квартире, так похожей на квартиру Хармса, да и теперешний ее хозяин точь-в-точь Даниил Иванович...

– Я, кажется, понял, – Воробьев направился к банке с краской. – Я читал воспоминания его второй жены, как он разбудил ее ночью и как они красили печь в розовый цвет.

– Ну и что?

– Здесь тоже розовая краска, – сняв крышку, Воробьев заглянул внутрь.

Он начал красить: сначала медленно, затем все быстрее и быстрее, размашисто и в охотку, как привык красить дома, где всегда сам занимался ремонтом. Странное дело, но до него дошло, что товарищ над ним подшучивает лишь тогда, когда тот замолчал. Оторвавшись от работы, он увидел, как Сорокин опускает кисточку в банку, а после услышал его ворчливый голос:

– Мы что, маляры тут?... Пришли в гости называется, отдохнули по полной программе...

В две кисточки они закончили быстро и теперь стояли, оценивая свои труды. Словно выросшая из пола и дотянувшаяся до потолка, печь была сама мощь и твердость. И как же смешно было видеть ее в нежно-розовом платице!

Прибрав за собой, они еще раз осмотрели это карнавальное жилище, связанное со скучным миром лишь двумя отверстиями окон. Казалось, от свежевыкрашенной печи плывут под потолком волны – розовоцветные, густые, пахучие. Ими овладело приятное чувство, что и они внесли свой вклад в переделку обыденного в праздничное. Теперь можно было уходить.

Задев, уже в коридоре, столик с телефоном, Воробьев чертыхнулся, и на шум из своей комнаты вышла Ксения Петровна.

– Вы куда это собрались?

– Так ушел же, – постарался объяснить Сорокин.

– Я вас без чая не отпущу, – заявила она.

– Да мы вообще-то... – начал, было, Воробьев, но она прервала:

– Никаких возражений. Но сначала в ванную, мыть руки.

Кухня была в дальнем конце коридора, довольно большая, но темная, с единственной лампочкой под потолком. Пока хозяйка хлопотала, сопровождаемая хлопоты невнятным бормотанием, они молча сидели за кухонным столом. Затем пили чай с печеньем и как вежливые гости включились в беседу о погоде, ценах на рынке, больных ногах Ксении Петровны. Только ее болтовня да юношеская нерешительность мешали им задать вопрос, ради которого, собственно, они и согласились гонять здесь чай. Тем неожиданнее было, когда она сама перевела разговор в нужное им русло:

– Молодые люди, вас, конечно же, интересует совершенно другое. Кто он – шарлатан, клоун, великий писатель?

Оба кивнули в такт, слегка подались вперед в надежде услышать что-нибудь сногсшибательное. И она, точно подыгрывая им, склонилась над столом и произнесла:

– Я не знаю, кто он такой.

Ошеломившую гостей фразу Ксения Петровна закусила печенюшкой, запила чаем и выдула изо рта горячий воздух.

– Иногда мне кажется – он обычный сосед, а иногда – Даниил Иванович, Хармс... Вы же сами видели, сколько надписей на лестнице, а люди просто так писать не будут... Вообще о нем разное можно услышать, особенно насчет ареста... Говорят, Хармс вышел в магазин, чтобы, как всегда, купить табак, но в квартиру не вернулся, и никто так и не знает, что с ним случилось. У него есть, – она ненадолго задумалась, прикрыла глаза, – вот, вспомнила: «И с той поры, и с той поры, и с той поры исчез».

– Он сейчас тоже пошел за табаком, – проинформировал Сорокин, никак не ожидая, что этим произведет сильное впечатление на Ксению Петровну.

Она отодвинула стакан с недопитым чаем, подошла к окну и выглянула наружу. Так, опершись руками на подоконник, простояла довольно долго, прежде чем снова повернуться к ним лицом.

– У меня ноги сегодня ноют, а вы ребята молодые, здоровые... Тут совсем недалеко... На улице Восстания, если с Ковенского свернуть налево, есть его любимая табачная лавка. Всегда ходит одним и тем же путем. Очень суеверный.

По лестнице они спускались молча, не глядя на исписанные «харм-советами» стены, и так же молча вышли на улицу, где дул теплый ветер,

летел вдоль тротуаров пух от тополей и, липучий, приставал к одежде прохожих, лежал на капотах машин, покрывал белым небольшие лужицы.

Вскоре они были возле магазина и, быстро спустившись по ступенькам, замерли около прилавка, не зная, как же им задать вопрос.

– Что брать будете? – осведомилась пожилая продавщица приятным голосом.

– Мы не брать... – замялся Воробьев. – Узнать хотели... Человек в коротких брюках и в такой, знаете, жокейской кепке...

Продавщица тут же откликнулась:

– Как же, это наш постоянный клиент.

– А сегодня он заходил?

– Нет, сегодня не было.

Вернувшись на улицу Маяковского, они некоторое время постояли в нерешительности, пока Сорокин не предложил, разделившись, искать в разных направлениях. Он пошел вдоль улицы налево, а Воробьев в противоположную сторону.

Ни в тот день, ни на следующий они не созванивались. Лишь спустя неделю, списавшись в социальных сетях, договорились встретиться в кафе, где в свое время было принято судьбоносное решение посетить бывшую квартиру Хармса. На сей раз встреча обошлась без чтения стихов, зато была наполнена внутренним напряжением, словно беседовали два тщательно законспирированных агента.

– Ты чего не выходил на связь?

– А ты?

– Я думал, ты первый проявишься...

– Информация какая-нибудь есть?

– Смотря что ты информацией называешь.

– Я имею в виду нашего общего знакомого.

– Так бы сразу и сказал.

Только выпитое под соленую рыбку пиво развязало их языки. Вернее, язык развязался у Сорокина:

– Я лишь немного прошел вперед, как вдруг вижу его, а за ним стайкой бегут мальчишки и бросают в него камнями. Он же совершенно невозмутим! Но самое главное началось позже – просто хоть святых вон выноси!

И далее он поведал, как стал свидетелем более чем странных событий...

Из окон выпадали старухи: чрезмерно любопытные, они высовывались дальше, чем следовало, и друг за дружкой летели вниз; сидящий на дереве мужик то исчезал, то вновь появлялся и показывал кулак; ехал в инвалидной коляске Пушкин со сломанными ногами, а его друзья дразнили поэта, отчего тот выкрикивал в их адрес ругательные стихи.

Закончил Сорокин рассказом о том, как «этот чудака в коротких штанишках» жонглировал шариками для настольного тенниса перед детьми, которые чуть раньше кидались в него камнями:

– Шарик порхал в руках, исчезал в жокейской кепке, в карманах, во рту. В конце концов, остался один шарик, который вдруг оказался, представь себе, сваренным вкрутую яйцом. И что он делает?.. У всех на глазах, как настоящий фокусник, достает откуда-то из-за уха спичечный коробок с солью, посыпает ею яйцо и, знаешь, так неторопливо, со вкусом его съедает. В ответ, разумеется, аплодисменты.

К удивлению и даже обиде Сорокина, Воробьев слушал рассеянно, смотрел то в окно, то на соседние столики. Казалось, его мало интересует то захватывающее зрелище, которое открылось Сорокину в тот день.

– Так и будешь молчать?

Пропустив мимо ушей вопрос и увернувшись от настойчивого, с прищуром, взгляда Сорокина, он продолжил размышлять над тем, стоит ли говорить о бумажном самолетике, который попался ему на пути, едва они расстались возле бывшего дома Хармса. Грязный, примятый чьей-то ногою, распластав крылья, самолетик одиноко лежал на асфальте. Воробьев бросился к нему и, взволнованный, начал его суетливо разворачивать.

– Ничего не написано, – в растерянности он пожал плечами и тут же услышал раздавшийся рядом старческий голос:

– Почему вас это удивляет?

– Хармс, Даниил Иванович... – начал Воробьев, но под насмешливым взглядом старика остановился. По-прежнему глядя на Воробьева, он произнес загадочное:

– Какие-нибудь откровения, заветы потомкам, смысл жизни в двух словах?

После паузы незнакомец продолжил, а Воробьев отметил про себя, насколько его голос и внешний вид не вяжутся с ясностью его мыслей:

– Извините, что я так иронично, просто в последнее время появилось много странных людей, которые ищут пророчество прямо под ногами... Знаете, я живу в соседнем доме с 1920 года, мне уже скоро сто лет стукнет... Тут на Надеждинской, а затем на Маяковской кто только самолетики не пускал! И я, и другие. Ничто не мешает и вам, молодой человек, запустить свой летательный аппарат – это куда как лучше, чем подбирать чужие.

Он зашаркал дальше, и Воробьев крикнул вдогонку:

– Так вы, наверно, помните Хармса!

Повернувшись к нему, старик отчего-то помедлил, прежде чем ответить:

– Жили рядом, но я его не знал.

– А тот мужчина, – Воробьев заторопился, показывая рукой в сторону дома, где он недавно был, – тот мужчина...

– Пускает самолетики, – подсказал человек из прошлого, затем развернулся и продолжил свой путь.

Пока они разговаривали, Воробьев рассеянно теребил в руках поднятый с асфальта лист бумаги. Теперь он вновь придумал листу необходимый для полета вид, и тот, хоть и сильно помятый, легко взмыл в воздух. Солнце било прямо в глаза, и, сколько Воробьев ни прищуривался, сколько ни прикладывал ладошку ко лбу, увидеть, куда приземлился его самолетик, он так и не смог.